

Александр Галич

Когда я вернусь...

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г15

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Галич, Александр Аркадьевич.

Г15 Когда я вернусь... / Александр Галич. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. — (Золотая коллекция поэзии).

ISBN 978-5-04-199260-6

Александр Галич — известный советский поэт, сценарист, драматург, автор и исполнитель собственных песен.

Его стихи и песни отражали тяготы жизни советского общества, вызывая раздражение советских властей. Несмотря на запреты и исключение из Союза писателей, Галич продолжал писать и исполнять свои произведения.

Невзирая на все трудности, с которыми он столкнулся в жизни, творчество Александра Галича оказало значительное влияние на послевоенное поколение. Его стихи стали символом протеста против несправедливости и диктатуры.

Тексты Александра Галича — это не просто глубокое и проникновенное высказывание, а крик души, олицетворяющий борьбу за свободу и справедливость. Галич навсегда останется в истории отечественного искусства как стойкий борец за идеалы, а его творчество и дальше будет вдохновлять людей оставаться собой вопреки всем обстоятельствам.

**УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5**

© Галич А.А., наследники, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199260-6

Пути Господни неисповедимы, но не случайны. Не случайна была та бессонная ночь в вагоне поезда Москва — Ленинград, когда я написал свою первую песню «Леночка». Нет, я и до этого писал песни, но «Леночка» была началом — не концом, как полагает Арбузов, — а началом моего истинного, трудного и счастливого пути.

А. Галич
«Генеральная репетиция»

ЛЕНОЧКА

Апрельской ночью Леночка
Стояла на посту.
Красоточка-шатеночка
Стояла на посту.
Прекрасная и гордая,
Заметна за версту,
У выезда из города
Стояла на посту.

Судьба милиционерская —
Ругайся цельный день,
Хоть скромная, хоть дерзкая —
Ругайся цельный день.
Гулять бы ей с подругами
И нюхать бы сирень!
А надо — с шоферюгами
Ругаться цельный день.

Итак, стояла Леночка,
Милиции сержант,
Останкинская девочка —
Милиции сержант.
Иной снимает пеночки,
Любому свой талант,
А Леночка, а Леночка —
Милиции сержант!

Как вдруг она заметила:
Огни летят, огни,
В Москву из Шереметьева
Огни летят, огни.
Ревут сирены зычные,
Прохожий — ни-ни-ни!
На Лену заграничные
Огни летят, огни!

Даёт отмашку Леночка,
А ручка не дрожит,
Чуть-чуть дрожит коленочка,
А ручка не дрожит.
Машины, чай, не в шашечку,
Колеса — вжик да вжик!

Даёт она отмашечку,
А ручка не дрожит.

Как вдруг машина главная
Свой замедляет ход,
Хоть и была исправная,
Но замедляет ход.
Вокруг охрана стеночкой
Из КГБ, но вот
Машина рядом с Леночкой
Свой замедляет ход.

А в той машине — писанный
Красавец-эфиоп,
Глядит на Лену пристально
Красавец-эфиоп.
И, встав с подушки с кремовой,
Не промахнуться чтоб,
Бросает хризантему ей
Красавец-эфиоп!

А утром мчится нарочный
ЦК КПСС
В мотоциклетке марочной
ЦК КПСС.

Он машет Лене шляпою,
Спешит наперерез:
— Пожалте, Л. Потапова,
В ЦК КПСС!

А там, на Старой площади, —
Тот самый эфиоп.
Он принимает почести,
Тот самый эфиоп.
Он чинно благодарствует
И трёт ладонью лоб,
Поскольку званья царского
Тот самый эфиоп!

Уж свита водки выпила,
А он глядит на дверь.
Сидит с моделью вымпела
И всё глядит на дверь!
Все потчуют союзника,
А он сопит, как зверь...
Но тут раздалась музыка
И отворилась дверь!..

Вся в тюле и в панбархате
В зал Леночка вошла.

Все прямо так и ахнули,
Когда она вошла!
И сам красавец царственный,
Ахмет Али-Паша
Воскликнул:
— Вот так здравствуйте! —
Когда она вошла.

И вскоре нашу Леночку
Узнал весь белый свет,
Останкинскую девочку
Узнал весь белый свет —
Когда, покончив с папою,
Стал шахом принц Ахмет,
Шахиню Л. Потапову
Узнал весь белый свет!

<1962>

**ПРО МАЛЯРОВ,
истопника и теорию
относительности**

...Чуём с напарником: ну и ну!
Ноги прямо ватные, всё в дыму.
Чуём — нуждаемся в отдыхе,
Чтой-то нехорошее в воздухе.

Взяли «Жигулёвского» и «Дубняка»,
Третьим пригласили истопника,
Приняли, добавили ещё разá, —
Тут нам истопник и открыл глаза

На ужасную историю
Про Москву и про Париж,
Как наши физики проспорили
Ихним физикам пари,
Ихним физикам пари!

Всё теперь на шарике вкось и вскочь,
Шиворот-навыворот, набекрень,
И что мы с вами думаем день — ночь!
А что мы с вами думаем ночь — день!

И рубают финики лопари,
А в Сахаре снегу — невпроворот!
Это гады-физики на пари
Раскрутили шарик наоборот.

И там, где полюс был — там тропики,
А где Нью-Йорк — Нахичевань,
А что мы люди, а не бобики,
Им на это начихать,
Им на это начихать!

Рассказал нам всё это истопник,
Вижу — мой напарник ну прямо сник!
Раз такое дело — гори огнём! —
Больше мы малярничать не пойдём!

Взяли в поликлинике бюллетень,
Нам башку работою не морочь!
И что ж тут за работа, если ночью — день,
А потом обратно не день, а ночь?!

И при всѣй квалификации
Тут возможен переко́с:
Это всё ж таки радиация,
А не просто купорос,
А не просто купорос!

Пяту́ю неде́лю я хожу́ больно́й,
Пяту́ю неде́лю я не сплю́ с жено́й.
Тоже и напарник мой плачется:
Дескать, он отравленны́й начисто.

И лечу́сь «Столи́чною» лично́ я,
Чтобы́ мне с ума́ не стронуться:
Истопник сказа́л, что «Столи́чная»
Очень хоро́ша от стронция!

И то́ я верю́, а то́ не верится,
Что́ минуе́т та́ беда́...
А шарик вертится́ и вертится́,
И всё́ время — не туда́,
И всё́ время — не туда́!

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

...Она вещи собрала, сказала тоненько:
«А что ты Тоньку полюбил, так Бог с ней,
с Тонькою!
Тебя ж не Тонька завлекла губами мокрыми,
А что у папи у её топтун под окнами.
А что у папи у её дача в Павшине,
А что у папи холуи с секретаршами,
А что у папи у её пайки цековские
И по праздникам кино с Целиковскою!
А что Тонька-то твоя сильно страшная —
Ты не слушай меня, я вчерашняя!
И с доскою будешь спать со стиральнойю
За машину за его персональную...

Вот чего ты захотел, и знаешь сам,
Знаешь сам, да стесняешься,
Про любовь твердишь, про доверие,
Про высокие про материи...

А в глазах-то у тебя дача в Павшине,
Холуи да топтуны с секретаршами,
И как вы смотрите кино всей семейкою,
И как счастье на губах — карамелькою!..»

Я живу теперь в дому — чаша полная,
Даже брюки у меня — и те на «молнии»,
А вино у нас в дому — как из кладезя,
А сортир у нас в дому — восемь на десять...
А папаша приезжает сам к полуночи,
Топтуны да холуи тут все по струночке!
Я папаше подношу двести граммчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков!

А как спать ложусь в кровать с дурой
с Тонькою,
Вспоминаю той, другой, голос тоненький.
Ух, характер у неё — прямо бешеный,
Я звоню ей, а она трубку вешает...

Отвези ж ты меня, шеф, в Останкино,
В Останкино, где «Титан» кино,
Там работает она билетёршею,
На дверях стоит вся замёрзшая.

Вся замёрзшая, вся продрогшая,
Но любовь свою превозмогшая!
Вся иззябшая, вся простывшая,
Но не предавшая и не простившая!

<1962>

КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

...Ой, ну что ж тут говорить,
что ж тут спрашивать?
Вот стою я перед вами, словно голенький.
Да, я с Нинулькой гулял с тёти-Пашиной,
И в «Пекин» её водил, и в Сокольники.

Поясок ей подарил поролоновый
И в палату с ней ходил в Грановитую.
А жена моя, товарищ Парамонова,
В это время находилась за границею.

А вернулась, ей привет — анонимочка:
Фотоснимок, а на нём — я да Ниночка!..
Просыпаюсь утром — нет моей кисочки,
Ни вещичек её нет, ни записочки!

Нет как нет,
Ну, прямо — нет как нет!

Я к ней в ВЦСПС, в ноги падаю,
Говорю, что всё во мне переломано.
Не сердчай, что я гулял с этой падлюю,
Ты прости меня, товарищ Парамонова!

А она как закричит, вся стала чёрная:
— Я на слёзы на твои — ноль внимания!
И ты мне лазаря не пой, я учёная,
Ты людям всё Расскажи на собрании!

И кричит она, дрожит, голос слабенький...
А холуи уж тут как тут, каплют капельки:
И Тамарка Шестопал, и Ванька Дёрганов,
И ещё тот референт, что из органов,

Тут как тут,
Ну, прямо — тут как тут!

В общем, ладно, прихожу на собрание.
А дело было, как сейчас помню, первого.
Я, конечно, бюллетень взял заранее
И бумажку из диспансера нервного.

А Парамонова, гляжу, в новом шарфике,
А как увидела меня — вся стала красная.

И на жалость я их брал, и испытывал,
И бумажку, что я псих, им зачитывал.
Ну, поздравили меня с воскресением:
Залепили строгача с занесением!

Ой, ой, ой,
Ну, прямо — ой, ой, ой...

Взял я тут цветов букет покрасивее,
Стал к подъезду номер семь, для
начальников.
А Парамонова, как вышла — стала синяя,
Села в «Волгу» без меня и отчалила!

И тогда прямым путём в раздевалку я
И тётке Паше говорю: мол, буду вечером.
А она мне говорит: «С аморалкою
Нам, товарищ дорогой, делать нечего.

И племянница моя, Нина Саввовна,
Она думает как раз то же самое,
Она всю свою морковь нынче прóдала
И домой по месту жительства отбыла».